

Потеря...

Маркус Агирре

- Папа, смотри, я поймал жучка, - в отголосках сознания раздался возбуждённый и радостный голос мальчишки, и молодой парень остановился. *Смотри, вот он...*

- Отпусти его, это божья коровка.

Перед маленьким мальчишкой на корточки опустился немолодой мужчина. Он улыбался и смотрел на сына, такого любимого и желанного. Он сильно страдал по умершей девушке, но был благодарен ей, что она подарила ему сына. Возможно, это всё было неправильно, но сейчас он был счастлив.

- Но если я его отпущу, то она улетит, - сказал малыш, глядя на отца своими большими серыми глазами

- У неё есть свой дом, её там ждут, - сказал отец, слегка улыбнувшись.

Воспоминание закончилось также неожиданно, как и появилось. Маркус сильно вздрогнул и зажмурился. Подавил в себе стон. Ему было страшно, очень страшно, что с отцом случилось что-то серьёзное. Он боялся, что не смог дождаться медиков, просто сбежав. А вдруг отца не смогли спасти, и он... хотел увидеть его последний раз?

Маркус всегда был трусом, который никогда никого не ценил. Он ненавидел отца, он презирал всю семью отца, он причинил много боли Яреци и тёте. Он никогда не извинялся, делая жизнь всех, кто так или иначе его любил, невыносимой. Ему нужны были только деньги, и отец, вечно пропадающий на работе, всегда откупался этими деньгами от сына. Ему было очень тяжело, и, вероятно, на работе он пропадал только для того, чтобы не вспоминать о любимой женщине.

Сейчас молодой человек совершенно не знал, что ему делать, а посему просто шёл. Шёл долго и непонятно куда, денег у него не было, последний раз он ел несколько дней назад, но об этом он сейчас даже не думал.

Пошёл сильный дождь, но он не заметил этого. Одежда моментально намокла, стало холодно. Но это его не остановило. Он вошёл в какой-то переулок и продолжил свой путь. И, не заметив двух отморозков, толкнул одного. Тот сразу его остановил.

- Какие-то проблемы? - пьяным голосом произнес китаец.

- Да пошёл ты, - прошипел Маркус, понимая, что если его сейчас убьют, то он никому больше не причинит боли.

А потом он помнил только кулак, который полетел в его лицо. Он упал на асфальт, и

удары посыпались один за другим...

Тору Мотидзуки

Когда ему позвонила Яреци и попросила найти ее двоюродного братца, Тору, в первый момент подумал, что она шутит. По его мнению, даже если мальчишка приехал в Пекин и попал в неприятности, это ни коем образом не должно было касаться его самого. Но Яри, поговорившая со своим дядей, вскоре после того, как ему в больнице снова стало плохо, оказалась очень настойчивой, так что он просто не смог ей отказать, отправившись на поиски паренька, который, похоже, и стал причиной усугубившихся проблем со здоровьем его отца.

Исследовав территорию возле больницы и немного побродив по соседним улицам, Тору хотел уже было признать полное отсутствие у себя навыков следопыта, как натолкнулся в одном из переулков на весьма интересную компанию из трех человек: избиваемого, избивающего и пошатывающегося наблюдателя.

Тору не нужно было сильно присматриваться, чтобы понять - в неприятности попал проблемный мальчишка, которого он разыскивал. А ему выпадала малоприятная роль спасителя, поскольку пройди он сейчас мимо, его бы замучила совесть из-за данного жене обещания. Так что ему ничего не оставалось, как быстро придумать что-то смутно напоминающее стратегию и, выбрав своей целью более агрессивного китайца, начать действовать.

Так как его противники были пьяны и плохо держались на ногах, Тору планировал уронить хотя бы одного, воспользовавшись тем, что они, увлеченные действием, даже не заметили его появления. Резко сорвавшись с места, он "влетел" главному драчуну в бок, снося его, благодаря грамотному приложению веса, с той линии на которой тот находился, и, воспользовавшись его замешательством, повалил на землю лицом вниз. Закончил же Тору тем, что сам сел сверху и заломил противнику руку, применяя болевой прием каждый раз, как тот начинал шевелиться.

- Если не хочешь оказаться на месте своего приятеля или превратиться в кровавое месиво, - ледяным тоном сообщил он удивленно хлопающему глазами второму китайцу, с трудом пытающемуся понять, что произошло, - уходи отсюда. Твоего приятеля я отпущу, когда ты будешь уже на достаточном расстоянии.

Тору уже как-то приходилось драться сразу с двумя пьяными людьми, но сейчас он предпочел бы этого не делать, да и вообще оказаться дома, а не в дурацком переулке, спасая от расправы братца Яреци.

- Живой? - бросил он Маркусу, не отводя взгляда от возможного противника. Не то, чтобы Тору сильно за него волновался, но ему совершенно не хотелось прибавлять к имеющимся проблемам новые, связанные с состоянием здоровья мальчишки.

Маркус Агирре

Он не мог сказать, сколько длилось это избиение, но вдруг от него отстали, и послышался голос. Знакомый голос, и он сильно вздрогнул. Он хотел было поднять голову, но на любое движение она отдалась сильной болью, и он зажмурился. Сделал глубокий вдох и тихо застонал от боли в груди. Было больно и страшно, и он

задрожал.

К нему больше не приставали, и он снова постарался шевельнуться. Снова не получилось, и он открыл глаза и посмотрел на сгусток крови. Во рту чувствовалась кровь, а обонятельных рецепторов коснулся это будоражащий сознание запах крови, и молодой человек с ужасом понял, что его зверь, который с тех пор не показывался, заставляя думать, что это была просто мистификация, игра больного воображения, действие ментальной магии или чего-то еще на его сознание, стал подавать признаки жизни. Рычание, злобное и холодное, от которого кровь стынет в жилах, заставила его чуть ли не подскочить.

Встать-то он встал, но ноги плохо слушались, голова сильно кружилась, каждая клеточка его тела отдавалась болью, такой привычной, но в то же время в ней было что-то другое. Точнее, было не в боли, а в ощущениях. Сейчас стало страшно не из-за того, что его убьют, а из-за того, что, наоборот, оставят жить. Сейчас он хотел, чтобы всё это закончилось. Он всем всегда приносил страдания, он причинял боль. Он только что (сколько прошло времени?) убил собственного отца...

Это осознание заставило его ноги подкоситься, и он опустился по стене на асфальт и обнял согнутые в коленях ноги руками. Из груди вырвался стон, больше похожий на всхлип, и он сжался в маленький комок и полными ужаса глазами посмотрел на мужа сестры, который сидел поверх одного из пьяных мужчин.

- Зачем... почему вы спасли меня? - на английском произнёс он наигранно холодным тоном, будто делая вызов Тору. - Вы... хотите меня сами убить? Убейте меня, я... пожалуйста... - прошептал он и рукавом промокшей куртки стёр кровь из носа.

Тору Мотидзуки

Пока второй мужчина из пьяной парочки размышлял, что делать, краем глаза Тору заметил шевеление с той стороны, где находился мальчишка. По характеру движений он понял, что Маркус пытается встать на ноги, но, судя по быстрому возвращению парня на асфальт, его ноги еще плохо были приспособлены для перемещения тела в пространстве.

Тем временем, тихий алкоголик, как его про себя назвал Тору, решил все-таки последовать совету и отойти на безопасное для всех расстояние, бросая испуганные взгляды на своего буйного товарища. Маркус начал говорить какие-то абсолютно дикие вещи, но Тору пропускал большую часть его слов мимо ушей, концентрируясь на имеющейся проблеме, которая все еще была придавлена его весом и недовольно бурчала, делая вялые попытки выбраться.

- Давай договоримся, - обратился Тору к заметно поубавившему свой первоначальный пыл задире. - Я не буду сдавать тебя в полицию, а ты вместе со своим дружком убережешься с моих глаз. Как ты понимаешь, нападать на меня бесполезно. Ничем хорошим для тебя это не закончится.

Тору, сомневался, что смысл его слов дошел до пьяного китайца, но, вероятно, у того сработал инстинкт самосохранения, заставляя воспользоваться предоставленной возможностью и сбежать сразу после освобождения. И только

убедившись в полной безопасности, Тору позволил себе подойти к мальчишке и выяснить, к чему тот развел сопли, если не получил, как ему казалось на первый взгляд, серьезных травм.

- Ты чем-то недоволен? Любишь, когда тебя бьют? - Он смерил Маркуса подозрительным взглядом, проверяя, все ли нормально у того с головой. Парень выглядел более чем жалко, и, глядя на него, Тору с неудовольствием для себя констатировал, что нормальный вечерний отдых отменяется, и ему придется возиться с нарушителем спокойствия чуть ли не весь вечер.

Маркус Агирре

Сколько прошло времени? Какое вообще сейчас время? Что делать? Он не знал ни одного ответа, но видел холодный взгляд Тору. Взгляд, не обещающий ничего хорошего. Этот взгляд заставлял дрожать и сильнее вжиматься в стену. Холодная и мокрая рубашка неприятно прилипала к телу, но он боялся что-то сделать.

Японец отпустил китайца, и те убрались восвояси. А Маркус остался сидеть на этом месте. И дрожать. Из груди вырывались всхлипы, и он понял, что по щекам текут слёзы. Правда, по щекам текла ещё и дождевая вода, поэтому он очень надеялся, что дождь поможет ему скрыть слёзы.

Вспышка молнии и последовавший за ним раскат грома породил одно воспоминание, заставившее сжать голову руками и застонать. Пальцы некогда ухоженных рук, которые можно было назвать аристократическими, вжимались в волосы и царапали кожу головы.

- Маркус, смотри, что я тебе привёз, - в комнату вошёл отец и улыбнулся. Мальчик отложил книгу и подошёл к отцу. Обнял его, и тот, удивившись, обнял его в ответ.

- Папа, я люблю тебя. Извини, что я тебе наговорил гадости по телефону. Я понимаю, что ты много работаешь. Прости меня.

- Ох, сынок, - мужчина был смущён. - Ты меня тоже прости. Я постараюсь быть хорошим отцом. Смотри, что я тебе привёз из России. Это конструктор, нужно своими руками сделать скворечник. Давай сделаем, а потом повесим во дворе на самое высокое дерево...

Ему тогда было, кажется, лет пять. Или шесть. Он был послушным мальчиком, который любил папу и хотел, как и любой ребёнок, чтобы отец был рядом с ним. Но папа был вечно на работе. А потом... он не помнил, что случилось, но пропасть между ними расширилась. Вся жизнь это казалось ему таким незначительным, что он не запоминал это, а сейчас все эти странные моменты прошлого вылезали из своих спрятанных мест и давили на сознание. И от этого было очень страшно.

- Я... мне... вы... - Он собрался с мыслями и посмотрел на Тору. - Он... отец... он же... с ним... он упал, и я... я ушел. Мне стало страшно. Он... не хотел меня видеть, но я... я убил его? - всхлипывая проговорил парень, и это было похоже на бред сумасшедшего. Хотя он всеми силами старался сделать свой голос холодным и

безразличным к отцу.

Тору Мотидзуки

Некоторое время ему казалось, что Маркус провалился в какую-то параллельную реальность и либо не слышал, либо не понял его вопросов. Но, вскоре мальчишка все же начал подавать признаки осознанности, пусть его взгляд и оставался мутным и показывающим полнейшую растерянность и кучу каких-то глубинных страхов, если, конечно, Тору все себе это просто не придумал.

- С чего это он должен был умереть? - удивился Тору, услышав странный вопрос мальчишки. - Ты же его душить не пытался? Он жив, пусть и не очень здоров и находится сейчас во вполне стабильном состоянии. По крайней мере мне так сказала Яреци, а она, как тебе должно быть известно, врать не будет.

Тору внимательно посмотрел на мальчишку, пытаясь понять действительно ли он распереживался за отца или его просто слишком сильно побили, и пришел к выводу, что ближе к истине все-таки первое. Серьезных повреждений он не обнаружил, пусть и не рассматривал каждый синяк или ссадину в отдельности.

- Ну вот и чего мне с тобой делать? Не здесь же оставлять. - Он глубоко вздохнул и вытащил телефон, собираясь позвонить Яреци и сообщить, что привезет ее бестолкового брата. Пусть он и не горел особым желанием тащить Маркуса к себе домой, оставить его в переулке ему, как человеку по природе своей не жестокому, просто не хватило бы духу.

Маркус Агирре

Слышать то, что с отцом всё в порядке, и он не умер, было неожиданно. И это радовало, хотя осознание того, что он спровоцировал это падение, а потом просто ушёл, не давало ему покоя. Ещё сильно тяготило осознание, что если бы это произошло года полтора назад, то он бы просто прошёл мимо, и, возможно, ничего бы в его душе не дрогнуло. Хотя он вообще сомневался, что у него есть душа, ведь девчонки, с которыми он встречался, а потом их бросал, все как одна называли его "бездушной тварью".

Он посмотрел на мужчину и вздрогнул, когда тот полез в карман. Почему-то сразу вспомнился тот давний случай, когда японец вместе с русским с замашками уголовного спасли его от вооруженных бандитов. Он тогда, кажется, потерял сознание, и его руку перевязывала рыжеволосая девушка, а японец разрешил пойти с ними.

- Я... - он сильно вздрогнул и весь как-то сжался, когда мужчина спросил, что ему с ним делать. Маркус ни на что не намекал, но он испугался, что останется здесь один. Ему не хотелось здесь оставаться. Ему было страшно, и всхлипы терзали его тело. - Помогите мне, пожалуйста, - прошептал он, всхлиывая и испуганно глядя на Тору, будучи уверенным, что тот его пошлёт и не будет ему помогать.

Тору Мотидзуки

Задавая вопрос, что делать с мальчишкой, Тору адресовал его, скорее, высшим

силам, а потому очень удивился, услышав неожиданный ответ, заключающийся в просьбе о помощи. Когда он последний раз что-то предлагал Маркусу, тот расшумелся и сказал, что ему ничего не нужно, так что подобной реакцией он сталкивался впервые, хоть ему уже и доводилось неоднократно видеть парня в самом что ни на есть плачевном состоянии.

Ничего не отвечая, Тору набрал номер Яреци, обрисовал ситуацию и, получив ее одобрение своим планам, подошел к мальчишке и протянул руку.

- Вставай, со мной поедешь, а там разберемся, что с тобой делать.

Он помог двоюродному брату жены подняться и, позволяя на себя опираться, повел его в сторону улиц, где можно было поймать такси. К счастью, ногами Маркус худо-бедно перебирал, так что от одной проблемы ему удалось, как или иначе, избавиться. И уже через пятнадцать минут они ехали в сторону квартиры, ставшей, благодаря помощи Морриса, их первым, не считая дома в монастыре, собственным жилищем.

Дорога прошла без приключений, так что уже очень скоро Тору заводил парня в квартиру, где ждала взволнованная Яреци. Конечно, он бы предпочел бы провести остаток сегодняшнего дня с женой и дочкой, но жизнь неожиданным образом внесла свои коррективы, и ему ничего не оставалось как подстроиться под в очередной раз меняющиеся условия существования.

Яреци Фернандез

Сегодня должен был быть хороший день. Тору утром, уходя на работу, сообщил, что постарается освободиться пораньше и побыть с ними. А то последнее время любимый допоздна задерживался на работе и очень мало времени проводил с семьей. На Яреци была вся квартира, стирки, уборки, глажки. Она готовила и ходила по магазинам. Она сильно уставала, но Тору уставал сильнее, и ему больше требовалась поддержка. Она не могла никому жаловаться, да и смысла в этом не было никакого. Одно только радовало - благодаря помощи папы квартира была куплена полностью. Квартиру можно сдавать, а самим перебраться в Японию. К папе, Маргарите, родственникам Тору. Только вот Тору очень упрям, и он никогда не вернется в Японию.

И сегодня, пользуясь случаем, Яреци хотела с ним поговорить. Но неожиданный звонок из больницы с сообщением, что у дяди случился сердечный приступ, переменял планы. Стало страшно, и она захотела сообщить об этом папе. Попросить Тору приехать домой. Сделать хоть что-то, чтобы не находиться в этой давящей тишине.

Но почти сразу раздался еще один звонок. Это был дядя.

- Яреци, я прошу прощения, что ввел тебя в заблуждение. Сейчас со мной все хорошо. Мне правда вставать пока нельзя и работать.

- Дядя, вы меня сильно испугали. Как... как это случилось? Ведь все было хорошо.

- Маркус.

- Он был у вас? Ор причинил вам боль?

- Мы с ним поссорились. Мы оба оказались эгоистами. Я наигранно обижался на него, но в его глазах был... было что-то похожее на страх и раскаяние.

- Я могу что-то для вас сделать, дядя Рикардо? - Дрогнувшим голосом спросила девушка.

- Я боюсь, что он натворит что-то. Я тогда упал, а он ушел. Мне врач сказал, чтт он убежал.

В комнате проснулась Кимико и заплакала. Девушка попрощалась с дядей и позвонила Тору, который должен был скоро вернуться домой. Он, конечно, был не рад от такой новости, и Яреци, поговорив с ним, снова почувствовала угрызения совести. Но ведь он был ее братом. И бросить его в беде она не могла. Она была уверена, что Тору не будет слишком злиться на нее. Ведь он не такой жестокий, каким хочет казаться. Он очень добрый. И всегда был одиноким. Он обязательно найдет Маркуса, поговорит с ним, если надо, то прибьет.

Но то, что Тору ей позвонил и сказал, что нашел Маркуса в весьма плачевном состоянии, заставило ее покачать головой и попросить мужа привезти брата домой.

Вскоре Тору и Маркус приехали, и девушка, убедившись, что Кимико занята своими делами в кровати, вышла встречать мужа и незваного гостя. Маркус выглядел ужасно. Лицо было разбито, под глазом вырисовывался фингал.

- Ты идиот, Маркус? Ты почему довел своего отца? Ты вообще не понимаешь, что он любит тебя и хочет с тобой помириться? Неужели ты так ничего и не понял? - Сказала девушка очень холодным тоном и залепила брату пощечину. Потом покачала головой. - Я тебе постелю в гостиной. Приведи себя в порядок, я тебя потом осмотрю. Тору, я... спасибо, что нашел его. Дядя позвонил и сказал, что они поссорились. Я... прости, что испортила такой прекрасный вечер, - виновато она прижалась к мужу. Обвила его шею руками и поцеловала в губы. - Ты, наверное, есть хочешь? Я тебе приготовила рисовый омлет. Омурайсу, так он называется?

Маркус Агирре

В этот раз Маркус воспользовался предложенной помощью и встал на ноги. Голова болела и кружилась, в теле была сильная слабость, но он нашел в себе силы направиться за мужчиной. Потом было такси, в котором, несмотря на включенную печку, было очень холодно. Он верил, что Яреци не будет его обманывать, но вдруг она решит проучить его?

Они приехали домой, и Маркус вошел следом за Тору в квартиру. Неуверенно встал около двери и посмотрел на сестру. Яреци залепила ему сильную пощечину, сопровождая это не самыми приятными словами. Он сильно вздрогнул и вжался в стену.

- Я... но он... не хотел со мной разговаривать. Он прогнал меня... - пробормотал он, всхлипнув.

Потом Яреци предложила ему привести себя в порядок, и он скрылся в ванной. Мокрая одежда неприятно прилипала к телу, но он не смел даже попросить замену. Потому что он привык, что никому не нужен. И что он должен был понять? Что отец его любит? Неправда. Он же сам сказал, что не хочет его больше видеть.

Он посмотрел на себя в зеркало и ужаснулся своему виду. Почему его начали бить? Он ведь просто случайно задел человека плечом. Почему Тору спас его? Зачем все это? Он умылся и неуверенно вышел из ванной комнаты.

- Я... простите меня, пожалуйста. Я... мне страшно... - пробормотал он, закрывая лицо руками и сильно дрожа...

Тору Мотидзуки

Яреци встретила братца со всей присущей ей эмоциональностью, залепив пощечину, и Тору решил не комментировать ее действия, хотя и считал, что мальчишке уже и так прилично досталось. Но, к счастью, дальше девушка заходить не стала, отправив Маркуса в ванную и переключив внимание на него самого.

- Все нормально, - он ответил на поцелуй жены и покрепче прижал ее к себе. - Я с удовольствием съем все, что ты приготовила. Да и братца твоего стоит покормить. Сомневаюсь, что он нормально питался, добравшись до Пекина.

Насколько Тору знал, у парня не имелось денег, позволивших бы ему нормально существовать в китайской столице, а от финансовой помощи тот отказался еще в монастыре, стоило ему только об этом упомянуть.

- Не ной, а иди на кухню и садись на стул. - Тору бегло осмотрел появившегося из ванной Маркуса и пришел к выводу, что некоторые ссадины стоит обработать, как и поменять хоть что-то из мокрой одежды. Парень был примерно одного с ним роста, но, при этом, шире и в области торса и в бедрах, и если какую-нибудь футболку он еще мог найти, то со штанами дело обстояло намного хуже. Немного порывшись в вещах, он вытащил нечто безразмерное и отдаленно напоминающее халат и, захватив аптечку, понес все это добро на кухню, где уже сидел скукожившийся и изрядно потрепанный паренек.

- Снимай рубашку, - не терпящим возражений тоном сообщил он. - И постарайся мне не мешать.

На тренировках временами случались какие-нибудь неприятности, так что разбираться с мелкими травмами, Тору научился еще в молодости. А серьезных у Маркуса вроде как и не наблюдалось, поскольку его обидчик был сильно пьян и его, судя по всему, быстро оторвали от процесса избиения оказавшегося не в том месте и не в то время мальчишки.

Яреци Фернандес

Брат вышел из ванной, и она покачала головой, когда он всхлипнул и попросил

прощения. Это было настолько удивительно, услышать из его уст не просьбу о помощи, а просьбу о прощении, что девушка первые несколько секунд стояла с широко раскрытыми глазами, тупо глядя на него. Но вмешался Тор, который отправился искать какую-нибудь подходящую одежду.

- Да, надо его покормить, - кивнула девушка, глядя на мужа, потом посмотрела на брата. - Не делай вид, что ты маленькая испуганная девчонка. В своих проблемах ты виноват сам. Не надо было к людям относиться как к быдлу.

Она отправилась в гостиную и постелила белье на диван. Положила теплое одеяло и плед и пошла в детскую. Кимико сидела в своей кроватке и что-то напевала своей игрушке. Она посмотрела на маму и демонстративно отвернулась от нее, смешно показав язык. Яреци усмехнулась и вернулась на кухню. Маркус выглядел жалко, и с первую секунду ей хотелось обнять его к себе и подарить немного спокойствия и любви, которой он был лишен, но в последний момент отказалась от этой глупой идеи.

- Когда тебе говорят привести себя в порядок - это значит принять душ. Ну или хотя бы избавиться от грязной и мокрой одежды. Мне плевать, как ты ходил у себя дома, но здесь принято переодеваться. Поэтому бери халат и иди в ванную!

Девушка даже не обратила внимания, что начала повышать голос. Взяла из рук мужа халат и швырнула его в брата. Указала на дверь ванной.

- Тору, мой руки и садись за стол, - ласковым голосом сказала она, проводив брата гневным взглядом. - Я... извини, если я была слишком жестока к нему сейчас. Но... я... не могу его бросить. Я хочу, чтобы он не был нам как кость в горле, но... это глупо, да? Возможно, ему сейчас действительно нужна забота и поддержка. Но... - Она замолчала. Если бы не то, что случилось с дядей, она бы не обратила внимания, что Маркуса могут убить, что он может сгинуть. Но она уважала дядю, и она понимала, что он до сих пор его любит. - Это дядя меня попросил его найти. Извини, если перегибаю палку, - она снова обняла мужа.

Маркус Агирре

Сестра вела себя как-то странно, она была слишком разъяренной, и он вжался в спинку стула и испуганно смотрел на нее. Такой же разъяренной она была, когда использовала на нем свои штучки год назад. После этого у него сильно болела голова, а в душе было что-то непонятное. Сейчас она не использовала на нем ничего, но состояние было такое же, как и тогда.

Он хотел было возразить на ее гневную речь, но подумал, что после такого точно вылетит из дома. Раньше ему было плевать, он действительно относился к людям как к людям второго сорта. Раньше у него была защита отца, разные привилегии, потом у него появилась тетюшка. А теперь в его душе что-то поменялось. Очень сильно изменилось. Связано это было с превращением? Или осознание, что люди не вечны? Отец лежит в больнице, он боится будущего.

В горле застрял комок. Хотелось кричать, что-то бить, но он сдерживался. Страх липкой паутиной сковывал его сознание и душу. Было страшно.

Он сильно вздрогнул и посмотрел на Яреци. Потом встал со стула и скрылся в ванной. Разделся и встал под душ. Шум воды заглушал вырывающиеся из груди рыдания. Может быть, он действительно не заслуживает прощения, ведь он никогда не делал ничего хорошего. Возможно, только в раннем детстве. Все остальное время он жил для себя, плевал на чувства людей, которым он нужен.

После душа стало тяжело, но он надел халат и вышел из комнаты. Направился на кухню и сел на указанное место.

- Простите меня, пожалуйста. Я... у меня болит вот здесь, - он прислонился к груди. - Меня, кажется, сюда ногой ударили, - пробормотал он, дрожа не то от холода, не то от нервов.

Тору Мотидзуки

- Твои резкие переключения со зло Яреци на добрую и милую и обратно немного пугают, - покачал Тору головой, после того как девушка, отругав своего брата и швырнув в него халатом, ласковым голосом обратилась к нему самому. - Не хотел бы я тебя когда-нибудь разозлить. - Он сел на свое обычное место и ненадолго прикрыл глаза, слушая немного путанные объяснения жены. Пока он плохо представлял себе, что делать с мальчишкой, но выгонять на улицу на ночь глядя не планировал, о чем и сообщил Яреци, когда она замолчала.

- Ладно, не пострадаем же мы от его временного присутствия в нашей квартире. А завтра разберемся, что с ним делать.

Сам Тору с большим удовольствием отправил бы Маркуса обратно в монастырь, не пожалев ради такого практически любой денежной суммы, но обстоятельства могли заставить мальчишку задержаться, так что эта проблема еще требовала разрешения в ближайшем будущем.

Вскоре брат Яреци вышел из ванной и пожаловался на боли в груди, заставляя его как следует осмотреть все синяки, ссадины и следы от ударов и прийти к выводу об отсутствии каких-то опасных повреждений.

- Какое-то время будет болеть, - сообщил он, доставая из аптечки все необходимое и начиная обрабатывать ссадины. - А как ты хотел? Тебе еще очень сильно повезло, что твой обидчик был пьян и мало что понимал в грамотном нанесении тяжких телесных повреждений. Бил бы я, ты бы точно после такого не встал.

Говорил Тору абсолютно будничным тоном, не отрываясь от примитивных медицинских манипуляций. Конечно, можно было попросить помочь Яреци, но он не собирался напрягать жену лишней возней с мальчишкой, пусть тот и оказался в их квартире по ее просьбе.

Яреци Фернандез

- Я не буду на тебя злиться, любимый, мне не на что злиться. Ты хороший, добрый, - девушка поцеловала его в уголок губы и поставила перед ним тарелку с омлетом, на которой кетчупом была нарисована смешная рожица. А потом посмотрела на брата.

Тору решил осмотреть Маркуса, который вернулся из ванны, облаченный в халат. Покачала головой и, пока муж осматривал его, ушла в ванную, чтобы развесить мокрую одежду. Потом подумала и закинула в стиральную машинку, добавила ещё грязных вещей, и вернулась на кухню. Услышала последние слова мужа и решила их не комментировать. Поставила перед братом тарелку с омлетом и села за стол, налив себе какао.

- Что ты потом собираешься делать? - Спросила она обычным тоном у брата. - Ответ "не знаю" меня не устроит. И его, предполагаю, тоже. - Она посмотрела на Тору. Потом посмотрела на брата. - Мы можем дать тебе ночлег, я могу тебя подлатать, а можно просто пойти в больницу и попросить помощи.

Девушка не хотела давить на брата, видя его растерянность и раскаяние, но ей казалось, что сейчас с ним надо быть строгим, но при этом показывать, что он не помешает и ему, если надо будет, окажут помощь. Она может с ним поговорить, успокоить его, но только если он сам попросит. Она отпила немного какао.

- Приятного аппетита, - сказала она.

Маркус Агирре

Тору его осмотрел, и он вздрогнул, когда тот сказал, что он может не встать от его ударов. Почему-то сейчас не хотелось испытывать судьбу и думать об этом, поэтому он просто благодарно кивнул.

- Спасибо, - испуганно, всё ещё продолжая дрожать, ответил он, а потом посмотрел на омлет. - Я... не знаю. Я боюсь что... он не простит меня. Вы не простите меня, - неожиданно даже для себя сказал он, замуриваясь. На лбу выступил пот.

Приятные запахи будоражили сознание, и он понял, что очень долго ничего не ел. Сколько дней он голодал - он не знал, но сейчас почему-то, несмотря на жуткий голод, он не мог ничего съесть. Дрожь становилась всё сильнее, и он сглотнул.

- Я... простите... я... мне плохо, я... спасибо вам за приют, но... я не хочу ничего есть... - Тихо прошептал он, замуриваясь и как-то скукоживаясь, понимая, что ведёт себя слишком ничтожно, и это может не понравиться сестре и её мужу. И они могут выгнать его на улицу, так как не обязаны помогать ему, человеку, который никогда никому не сделал ничего хорошего. Причинял только боль. И сейчас он не удивится, если его вышвырнут. Но вот вся эта забота, даже обрабатывание его ссадин и синяков не укладывалось в его сознании.

Тору Мотидзуки

- Нечего отказываться от еды, а то в следующий раз могут и не дать, - голос Тору звучал строго, поскольку он терпеть не мог подобной расхлябанности. Мальчишка был откровенно слаб и телом, и духом, а значит не мог рассчитывать на некоторые поблажки и должен был слушать, что ему говорят люди, на чьей шее он неожиданно разместился.

- А потом еще выпьешь крепкий чай. Не хватало мне здесь разваливающегося на

части страдальца, впадающего в уныние из-за собственной неспособности сделать что-то путное.

Тору оторвал взгляд от мальчишки и решил отдать должное рисовому омлету, чей рецепт Яреци не поленилась найти, пытаясь, ради него, вводить элементы японской кухни.

- Спасибо, Яри, - обратился он к жене, заметно смягчив свой тон. - У тебя получился отличный омурайсу. Я бы сам лучше не приготовил.

Тору с трудом подавил вздох, понимая, что сегодняшний вечер обещал быть очень милым до того момента, как жена попросила его найти Маркуса. Присутствие парня немного портило атмосферу и не позволяло ему открыто тискать жену, как он привык это обычно делать. Поэтому ему только и оставалось, что надеяться на скорейшее завершение ужина и оправление брата Яреци в мир снов, где он уже никому не мог бы помешать своим присутствием.

Яреци Фернандез

- Вот, я же сказала, что неправильно запомнила ваши сложные названия, так что это будет просто рисовый омлет, - с наигранной обидой произнесла девушка, с любовью глядя на мужа. Потом посмотрела на брата, который снова стал блеять как испуганная овца, которую собираются пустить на мясо. Покачала головой. Она не стала комментировать слова мужа, но внимательно следила за братом, чтобы, если что, вмешаться. Что-то в нём ей совсем не нравилось. Он был потерян и напуган. Он не казался тем гаденышем, каким всегда являлся, но и на нормального человека, который может просто встать на путь исправления, тоже. Сейчас он вызывал жалкое зрелище, и девушке это совсем не нравилось.

- Я вот не могу понять, чего ты добиваешься? Что я или Тору после твоих слов о помощи и прощении сразу все бросим и будем тебя успокаивать? Как это делала моя мать? - Она хмыкнула и болезненно поморщилась. - Нет. Мы тебе помогаем только из-за того, что меня попросил об этом твой отец. Поэтому сейчас ты доедаешь все, что мы тебе предложили, и идешь спать.

Она говорила спокойным голосом, но с нем чувствовалась едва неуловимая сталь. Она покачала головой и налила в чашки чай. Поставила одну перед братом, а другую перед мужем. Вернулась на свое место и, попивая какао, стала смотреть на брата.

Маркус Агирре

Маркус снова испуганно вжался в спинку стула и вздрогнул. Он уже успел пожалеть, что напросился к ним в гости. Здесь не чувствовалось чего-то благоприятного, и он просто понимал, что мешает им. Раньше его это особо не волновало, и он мог ввалиться кому-нибудь домой в любое время, а потом неожиданно уйти. Но сейчас он не смел даже что-то возражать.

Омлет был вкусный, и он прикрыл глаза, чтобы насладиться его вкусом. Щеки налились смущенным румянцем.

- Это... это вкусно, - сказал он. - Я... спасибо. Я... Яреци, я не знаю, что мне делать. Мне страшно. Отец... он... он же никогда не простит меня. Мне не нужно его наследство, мне не нужно ничего, просто... я знаю, что никогда не делал ничего хорошего. Что мне делать?

Он зажмурился, но не смог подавить в себе судорожный всхлип. Он знал, что его не будут жалеть, успокаивать. Он знал, что никому не нужен, и это было больно и неприятно. Но ему хотелось, чтобы его кто-то успокоил и пожалел. Хотя этого никогда не будет.

Он доел предложенный омлет и выпил чай.

- Я... можно я переночую у вас? Я завтра уйду. Спасибо вам за приют и помощь. И простите меня.

Он посмотрел на сестру и ее мужа, а потом опустил голову.

Тору Мотидзуки

Глядя на жалующегося и чуть ли не плачущего Маркуса, Тору с трудом сдерживался, чтобы не отвесить ему звонкий подзатыльник. Он очень не любил нытиков и считал, что подобное поведение пристало разве что женщине, а уж никак не парню, перешагнувшему порог совершеннолетия. Конечно, у каждого в жизни случались ситуации, в которых нелегко было сохранять стойкость духа. Ему и самому приходилось раскисать и вести себя недостойно, согласно его собственному представлению о приемлемом для мужчины поведении, но чтобы выглядеть настолько жалко... Этого Тору не мог представить себе даже в самых страшных и изощренных фантазиях.

- Заканчивай со страданиями и извинениями, - строго произнес он, увидев, что мальчишка доел омлет и допил чай, - и отправляйся в гостиную спать. - Прощение ты, в первую очередь, у другого человека должен просить.

Тору дождался пока Маркус, который, к счастью, быстро последовал его совету, выйдет из кухни, перевел взгляд на Яреци, резким движением ухватил ее за руку, притянул к себе и усадил на колени.

- Ну вот, - довольным тоном сообщил он, прижимая девушку к себе, - хотя бы нормально жену обнять. Думаю, после возни с твоим братом я заслужил свою порцию ласки. Мне, между прочим, его у хулиганов отбивать пришлось.

Он улыбнулся уголками губ и привычным жестом провел рукой по длинным темным волосам. В конце концов, в появлении в их квартире раздражающего элемента не было ничего смертельного, и, чтобы порадовать Яреци, он был готов какое-то время терпеть присутствие Маркуса, надеясь, естественно, на его скорейшее возвращение в монастырь или отъезд в каком-нибудь другом, мало волнующем его направлении.

Яреци Фернандес

Яреци покачала головой, когда Маркус чуть ли не стал плакать. Она не верила в искренность его слов. Ей не хотелось проникать в его голову, искать истинные

причины произошедшего, но она очень надеялась, что Маркус действительно хочет помириться с отцом, попросить у него прощения. А потом попросить прощения у тети. Яреци глубоко и грустно вздохнула. Ей и самой не мешало бы поговорить с мамой, ведь она с ней не разговаривала два года. С одной стороны, это были самые счастливые и быстрые два года, а с другой... это были два тяжелых два года. Тору даже было двадцать пять лет, когда он перестал общаться с родными. А ей... она была шестнадцатилетней девчонкой, когда перестала общаться с мамой. Она даже не поехала к ней, когда умерла прабабушка. И вместе с мамой был Маркус, который...

Маркус наконец ушел в гостиную и перестал мозолить им глаза. И девушка, оказавшись на коленях мужа, обняла его за шею и прижалась к нему. Поцеловала в губы и потерлась носом о его нос.

- Спасибо тебе, любимый, что ты нашел его и спас. Если бы не дядя, я бы не стала это просить. Но... тебе пришлось с ними драться? Ты точно не пострадал? - Она мотнула головой. - Я так хотела провести это время за приятным ужином, а пришлось возиться с Маркусом. - Она вздохнула.

В комнате Кимико было подозрительно тихо, и Яреци, поцеловав мужа, встала с его колен, сопроводив это обиженным вздохом, и направилась к дочери. Та, кажется, спала в кроватке, уткнувшись носиком в книжку. Девушка убрала книгу и уложила дочку в нормальную позу. Поцеловала в лоб и укрыла одеялом. Потом вернулась к мужу.

- Все спят. У нас есть время на себя. Раз ужин не удался, то можно придумать что-то другое, - она улыбнулась.

Тору Мотидзуки

- Я думаю, у тебя еще будет возможность меня отблагодарить, - преувеличенно бархатистым голосом произнес Тору, практически касаясь губами уха Яреци. - Ну а я, - он немного отстранился и вернулся к своему обычному тону, - естественно, не пострадал. Не забывай, что твой муж вполне в состоянии без особых проблем справиться с парой невооруженных людей, даже если те настроены агрессивно.

И он бы уже начал позволять себе по отношению к жене всевозможные вольности, как Яреци плавно соскочила с его колен и отправилась в комнату, провести дочку, что было очень правильно, но, от этого, не менее печально. Оставалось надеяться, что Кимико не случайно притихла, творя какое-нибудь озорство, пользуясь временным отсутствием присмотра со стороны родителей, а решила сделать доброе дело и уснуть немного раньше привычного времени.

- Это просто отличная новость, - сообщил он, услышав от Яреци подтверждение своих самых смелых мечтаний. - Тогда не будем тратить драгоценное время, подаренное Кимико или переживать из-за присутствия твоего проблемного родственника.

Посчитав, что и так сказал больше, чем следовало, Тору подхватил Яреци на руки и потащил в сторону спальни. С его графиком, постоянной усталостью и

необходимостью уделять время маленькой дочери их сексуальную жизнь трудно было назвать особенно насыщенной, поэтому он старался воспользоваться любой подходящей возможностью, чтобы как-то исправить этот малоприятный момент.
